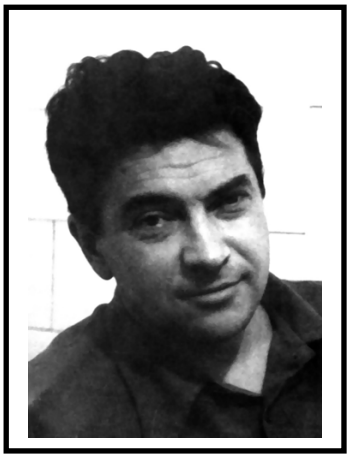
ПАМЯТИ ФИЛОСОФА



РОЗОВ Михаил Александрович (1930–2011)

Нас постигла тяжелая утрата. Скончался Михаил Александрович Розов – философ милостью Божией, удивительно яркий человек.

Он сделал много. Сегодня нельзя серьезно заниматься эпистемологией или философией науки, не зная его оригинальных идей. А это и теория социальных эстафет, и концепция социальной памяти, и анализ взаимодействия разного типа программ в истории науки и культуры, и многое другое.

Он всегда поражал нас как человек, умеющий соединять то, что кажется несоединимым: академическую фундаментальность и юношеский задор, культивирование точности во всем и вместе с тем любовь к сугубо неточным гуманитарным наукам и смысложизненным проблемам, умение свободно двигаться в разреженном воздухе абстракций и яркий поэтический дар, острое ощущение современности и умение тонко понять и оценить прошлое. Поэтому столь широк был круг его интересов: это и философия математики, и история естествознания, и проблемы этики, и вопросы психологии. Он буквально фонтанировал новыми идеями.

Философия была для него не только предметом исследования, но и образом жизни. Он всегда был окружен последователями, почитателями, друзьями, где бы он ни работал: в Ленинграде, Новосибирске, Москве.

Последние 20 лет его жизни связаны с Институтом философии РАН, с сектором теории познания, в котором его любили, им восхищались.

Ушел из жизни большой философ, близкий друг, незаменимый моральный авторитет. Нам будет очень не хватать его.

Акад. В.А. Лекторский

Михаил Александрович Розов прожил жизнь, которая может служить ярким образцом для любого человека, преданного своему делу и любящего своих близких. Тем более его жизнь светит нам, его друзьям, коллегам и ученикам. Он был не просто философом и ученым. Он был философом и ученым от Бога, а еще он был великим человеком. Он был мудр и добр, он был строг и великодушен. Он был опорой и руководителем жизни для тесно соприкасавшихся с ним людей. Он сделал нашу судьбу и научил не бояться смерти.

А теперь несколько слов о его философских и научных открытиях, о его теории социальных эстафет. Эта теория создавалась им в напряженных поисках средств для научного анализа познания и его итогового феномена – человеческих знаний. Еще будучи школьником, учась в 10 классе, в Смоленске, он искал в «Философских тетрадях» В.И. Ленина ответы на уже мучившие его вопросы о природе мышления и о способе бытия человеческой мысли. Учась на философском факультете Ленинградского университета, он построил программу эмпирического анализа научных знаний и приступил к детальному изучению истории науки. После окончания аспирантуры по кафедре логики, где Михаил Александрович построил оригинальную теорию научных абстракций, он отправился в Сибирское отделение Академии наук, где начал путь преподавателя аспирантам первых научных институтов Академгородка. Что это был за преподаватель! Об этом можно судить по восторженным отзывам его слушателей и ряду его публикаций об опыте преподавания: «Философия как предмет преподавания» (Вестник университета Российской академии образования, 1997, № 3), «О преподавании философии. Материалы «круглого стола» (Вопросы философии, 1997, № 7), «Методологическое мышление и задачи университетского образования» (Философский факультет. Ежегодник, 2000, № 1), «Проблема предмета философии как методологическая проблема» (Особенности философского дискурса, М., 1998). Названные тексты несут огромной силы интеллектуальный и эмоциональный заряд, способный превратить преподавателя философии в мастера высокой методологической культуры и высокой человечности. Мы все учились на этих текстах и продолжаем открывать в них все новые стороны творческих находок Михаила Александровича – педагога и мыслителя.

Но главным для Розовской жизни в академгородке был наш (его семинар) по эпистемологии и философии науки, просуществовавший с 1962 года до отъезда М.А. Розова в Москву в 1981 году. Семинар сыграл огромную роль в жизни многих молодых философов и многих молодых ученых, которых привлекал царивший на семинаре удивительно острый дух методологических поисков путей научного исследования. История работы семинара описана как самим его руководителем и генератором идей, а также автором большинства докладов Михаилом Александровичем Розовым «Идеи и проблемы Новосибирского семинара по философии науки. На теневой стороне.» Новосибирск, 1996), так и участниками семинара в двух сборниках («На теневой стороне. Материалы и история семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в новосибирском академгородке». Новосибирск, 1996 и «На теневой стороне». Выпуск 2. Новосибирск, 1997).

Михаилом Александровичем была создана грандиозная программа перестройки философской гносеологии. Опираясь на опыт естествознания и, в частности, квантовой механики, он один из первых в отечественной философии наряду с такими мастерами философии, как Вячеслав Семенович Степин и Владислав Александрович Лекторский сформулировал мировоззренческие и методологические следствия из успехов квантовой механики, которые привели к необходимости по-новому осмыслить весь строй философских исследований о познании. Центральным понятием всего этого движения, получившего название перехода от классической науки к неклассической, явилось выдвинутое Михаилом Александровичем понятие «непредзаданного» человеческому познанию «мира». Это

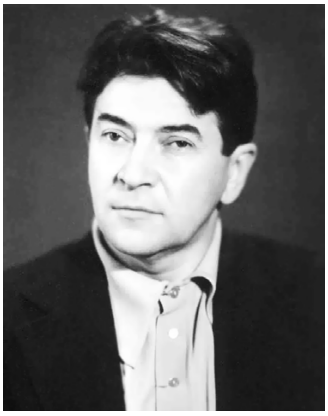
понятие несло в себе оппозицию двух концепций природы познания: познания как отражения предзаданной нам во всех характеристиках объективной реальности и познания как взаимодействия мира Природы и мира Культуры. Вопрос о предзаданности или непредзаданности Мира человеку был поставлен Михаилом Александровичем в ряд с другими предельными гносеологическими допущениями как свод необходимых вопросов, ответы на которые обязан дать себе каждый человек, выстраивая свое мировоззрение, наряду с вопросом о своих предельных ценностях. Начало этому философскому достижению последних десятилетий XX века положило осознание открывшейся в квантовой механике особой роли прибора. Открылась и возможность уподобления всей Культуры прибору в квантовой механике, что привело к революционным гносеологическим выводам: мы познаем не Мир сам по себе, а нашу деятельность в этом мире, содержание наших знаний создается взаимодействием Натуры и Культуры в нашей деятельности. Истина может сохранить свой корреспондентский вариант, так как Человек теперь познает то, что сам творит во взаимодействии с природой, задавая ей своей деятельностью вопросы и получая на них ответы. Установление соответствия между знанием и познаваемой действительностью находится в руках человечества и преодолевает трудности установления такого соответствия с Миром само по себе.

Эти фундаментальные философские результаты Михаила Александровича Розова были получены им параллельно с созданием теории социальных эстафет. Им написана книга «Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии», которая вышла в двух изданиях: в издательстве Смоленского государственного университета (Смоленск, 2006) и в издательстве «Новый хронограф» (Москва, 2008). Знакомство с этой книгой способно привести в число активно работающих философов, социологов, науковедов, историков науки новые молодые свежие силы, ибо она дает в руки специалистов базовый теоретический аппарат, который способен служить научным конструктором для любых социальных и гуманитарных наук.

Участники семинара М.А. Розова в Новосибирском Академгородке: С.С. Розова, Л.С. Сычева, М.А. Сидоров, П.Г. Гусев, А.А. Акципетров, В.П. Таратута, В.В. Зуев.

* * *

Ушел из жизни выдающийся отечественный гносеолог и методолог науки Михаил Александрович Розов, четверть века своей жизни отдавший Сибири – работе на кафедрах философии СО АН СССР, Новосибирского университета, в институтах автоматики и электрометрии и экономики и организации промышленного производства. Его вклад в развитие философский исследований в новосибирском научном центре трудно переоценить. В пору господства официальной философии он оставался независимым островком интеллектуальной деятельности, на который подозрительно смотрели представители партийных органов, но вокруг которого группировались творчески мыслящие сотрудника центра, включая сотрудников негуманитарных учреждений. Результатом его деятельности было создание направления, связанного с эмпирическим иссле-

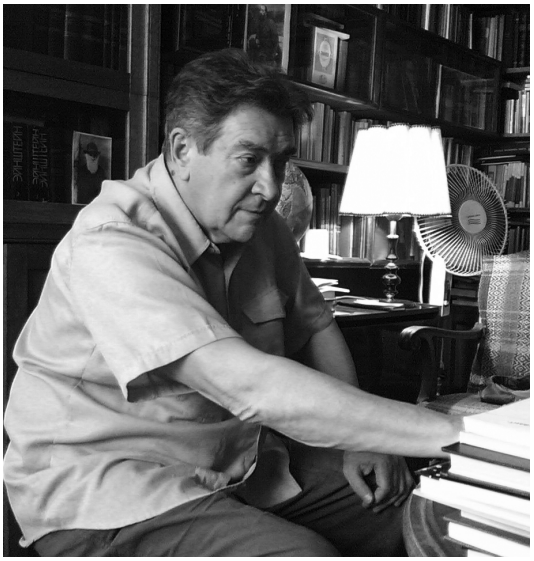


дованием науки, которое продолжает развиваться его учениками. Роль Михаила Александровича была особенно важна в начальный период развития новосибирского научного центра, поскольку именно в это время начинал формироваться состав обществоведов центра. Не все стали «розовцами», но я не знаю людей, которые, соприкасаясь с ним, не испытывали бы на себе его влияния. Истина была его главной ценностью. Самоутверждение им реализовывалось именно через поиск истины, а не через внешние проявления, связанные со скорейшей защитой диссертации. Я склонен разделять представителей философского корпуса на две части: философов (создающих философские системы) и философоведов (интерпретирующих, преподающих философские системы, разрабатывающих их отдельные положения). Михаил Александрович, несомненно, был философом – создателем собственной концепции: теории социальных эстафет. Им дано оригинальное решение одной из «вечных» проблем – о способе бытия идеальных (семиотических) объектов в качестве волноподобных образований (куматоидов), имеющей давнюю историю в западноевропейской философии от Платона до Поппера, обоснована эвристически перспективная волновая онтология. Им была предложена собственная интегральная модель науки, преодолевающая известную ограниченность моделей науки Т. Куна, И. Лакатоса, К. Поппера, П. Фейерабенда и др. На языке его концепции уже сейчас начинают излагаться многие философские проблемы. Несомненно, что за волновой онтологией будущее. Смерть не позволила ему реализовать все задуманное. Но остались его идеи, которые предстоит реализовать его ученикам и последователям. Имя автора этих идей навсегда останется в памяти его друзей, учеников, коллег, истории науковедения.

Проф., д-р филос. наук А.Н. Кочергин

* * *

Ушел из жизни Михаил Александрович Розов, мой первый и, скажу так, мой последний учитель «по философии». Не покидают боль и ощущение вины. Не могу не принять и на свой счет слова из его прощального стихотворения: «Я не мало прожил и идей наплодил, жаль, что некому их развивать». Утешаю себя тем, что в самом важном, в отношении к делу, которому он учил, с дистанции я вроде не сошел. Без натужного пафоса – делом его жизни была философия, а вовсе не то, что лет сорок назад, во время нашей первой встречи, именовалось «марксистско-ленинской философией». Не помню деталей, но общее резюме уже первого разговора с ним сводилось к тезису: гносеология должна стать эмпирической наукой. При любом толковании последнее никак не увязывалось с убогой догматической похлебкой официальной как бы философии. В тогдашнем нашем социалистическом гулаге, сказанное вполне могло восприниматься в качестве перевода основ-



ного гулаговского принципа выживания: не верь, не бойся, не проси.

Философский официоз был формой квазирелигиозного верования, а потому, конечно, должен был стать предметом неверия, разумного неверия, которое, как известно, вовсе не враждебно подлинной вере. Вектор «эмпирической гносеологии» переводил ментальность в измерение истины, а значит и свободы. Сказано ведь: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Для думающего человека в ней, может быть, основная опора в преодолении страха. Ведь научная эмпирическая истина – это объективная, галилеевская истина. Она же требует и независимости, которую тебе никто не подарит просто так, сколько ни проси. В ней же, как пишет Михаил Александрович в последней прижизненной статье, «один из символов бессмертия философии».

Конечно, у мэтра, употребляю это слово в его подлинном исходном смысле, и насколько я могу судить, тезис о гносеологии как эмпирической науке имел более явную подоплеку. Речь должна идти о настроении, очень характерном для российской интеллигенции второй половины XIX века, настроении, породившем нигилистов, с одной стороны, и давшем мощный импульс расцвету российской науки – с другой. Угасанием этого настроения, кстати, во многом объясняется и крах науки в современной России. Любопытным образом российская история к середине XX века дала повтор, не укладывающийся в известную оппозицию трагедии и фарса. Оба жанра присутствовали и в первом, и во втором случаях. В первом – Писарев, классический нигилизм, обструкция классическому образованию, «порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта» и т.п. Во втором – нигилисты-стиляги, «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне». Разрушающиеся мировоззренческие абсолюты наивно пытались заменить физическими константами.

Но что, собственно, значило трактовать гносеологию как эмпирическую науку? Нужно сосредоточиться на анализе текстов, в данном случае научных текстов, в которых находит отражение познавательная деятельность ученого: физика, биолога, историка и т.д. Не «катать философские категории», как выразился один из тогдашних коллег, а скрупулезно отслеживать траектории движения мысли. Поразительно по-настоящему энциклопедическое видение науки в работах Михаила Александровича, с их образцами буквально лабораторного анализа текстов, на вскидку: Галилея, Торричелли, Геродота, Эйлера, Проппа, Дарвина, Бора, Ферми, Лоренца и т.д.

Но вот вопрос: что, собственно, представляет сама процедура эмпирического анализа репрезентаторов познавательной деятельности? Одно дело – гносеология как точная эм-

пирическая наука в смысле Э. Гуссерля, не случайно, кстати, эксплуатировавшего термин «психология». Однако дескриптивный феноменологический метод не выводит нас из круга интроспекции. В плен же интроспекции мэтр не хотел попадать ни под каким видом. Он последовательно и неуклонно следовал идеалам объективного, эмпирически обоснованного вывода, присущим всякой позитивной науке. Это и стало в наших отношениях той самой парой теоретических «стволов роковых Лепажа».

Тем не менее совершенно определенно могу сказать, что для меня встреча с Михаилом Александровичем Розовым стала поворотным пунктом, во всяком случае, без нее все в моей жизни выглядело бы существенно по-другому.

Проф., д-р. филос. наук Г.А. Антипов

* * *

С Михаилом Александровичем Розовым для меня безвозвратно ушло из жизни многое лично дорогое. Думаю, есть немало людей, кто переживает эту смерть так же, а кто-то, более близкий к нему, еще острее. В последние годы мой мир сильно обезлюдел. Я жил с более старшим поколением, а оно уже сильно поредело. Теперь ушел Миша. Светящихся точек на ночном небе стало меньше. А потеряли мы очень яркий источник света. Это уже не только личное, но и общезначимое событие. С уходом выдающихся людей старшего поколения бесповоротно меняются лицо и сама душа русской науки, культуры, интеллигенции, нации.

М.А. Розов, думаю, прежде всего исследователь и мыслитель, но он еще и учитель, просветитель и совершенно незаурядный человек. Если интеллектуальная жизнь в России не зачахнет вовсе, то о творческом наследии М.А. Розова еще много будут писать. Наверное, и я буду писать именно об идеях М.А. Розова, ведь теперь все написанное им и слышанное от него будет перечитываться и осмысливаться заново. Личность, как водится, отойдет на второй план. Человек прожил свою жизнь, сделал свое дело, и теперь результаты его трудов живут в истории своей жизнью. Так будет потом. А сейчас еще не настало это время, Миша еще рядом, он еще с нами. Поговорим, друзья, о Нем!

Когда мы встретились, я был еще совсем мальчишкой, только что окончившим школу и поступившим в Новосибирский госуниверситет. М.А. Розову было уже (и всего) сорок. Он был сгустком энергии и ума, ума острого, смелого, ироничного. Его влияние на молодых людей, жаждавших знания и полных всяческих порывов, было огромным, и оно было благотворным. И вот прошло уже сорок лет после этого, в том числе и наши с Михаилом Александровичем годы в Академгородке, и наши двадцать лет в Москве. За это время не стало ни прежней страны, ни прежней науки. А жизнь продолжалась. И постепенно обострялась наша потребность думать и говорить именно о жизни. Мы говорили о России и о политике, о мире и об истории, о Второй мировой войне и русских реформаторах, об интеллигенции и о науке, о машинах и о разных уголках нашей страны, о его и моем детстве, конечно, о женщинах. Но о чем бы ни говорил Миша, он говорил об этом, как о продуманном им. Он все время думал. Его жизнь была наполнена мыслью.

Поразительно, но в этих беседах он избегал обобщений, своих любимых абстракций и идеальных объектов. Он был фактологичен и метафоричен. Говорил о факте, но приобретавшем какой-то глубокий смысл. Получалось что-то вроде «болтливого факта», о чем он любил говорить когда-то в своих лекциях. Только к факту он относился уже не игриво, а как к Событию, ведь не скажешь об этом как о «болтливом Событии». Мне кажется, что с годами изменилось его отношение к жизни. Оно стало менее дерзким и более почтительным. Поразительно, но и в своей теоретической деятельности М.А. Розов – остроумный ниспровергатель догм – пришел к своего рода консерватизму. Любимым его словом стало слово «традиция». «Ценность имеет, – говорил он, – только традиция». Боюсь, что это звучит банально и слишком упрощает мысль, как пересказ апостолами учения Христа. Но альтернативой этому может служить только молчание.

Я поражаюсь, какая удивительная жизнь прожита этим человеком, какое мужество и неукротимый дух жили в нем! Мне кажется, что, как и многие другие мыслящие люди, пережившие сталинское время и войну, Михаил Александрович не был по сути оптимистом, в нем не было веры в торжествующую доброту жизни. Но в нем было мужество жить и творить. Для таких людей зарплаты, жилищные условия, неурядицы жизни в период кризиса – рябь на поверхности воды. Они всегда ждут и внутренне готовы к шторму. Их выбор пути твердый и не зависит от кривляний жизни.

Однажды Миша сказал мне, что знает, что закончит жизнь бездомным и в нищете. Он говорил это, сидя в хорошей квартире в окружении огромного общества любимых книг, говорил без эпатажа, печально и без страха. Я молча удивился. И Миша рассказал о том, как он с мамой (он сказал именно так) вернулся в только что освобожденный от немцев, совершенно разрушенный Смоленск. Город был разрушен настолько, что не было даже высоких остатков стен. Была зима, развалины занесены снегом. Миша с мамой устроили какой-то шалаш, прислонив к остаткам стены какие-то обломки деревянных досок. Там и жили. Выживали. История пропитала душу подростка таким недоверием к жизни, что будучи уже семидесятилетним, успешным, он «знал», как он выражался, что все это благополучие ненадежно, что это не правда. И со всем этим в душе он имел мужество радостно жить и творить! Теперь ясно, что он ошибся, и его жизнь закончилась не в нищете и бездомности. Значит, он не «знал», что все будет плохо, а только думал, что так будет. К счастью, ошибался. Но что же за историю прожила наша страна, если даже человек сильный духом, неустанно творивший добро, не верил в возможность хорошего и надежного в своей жизни.

Как-то Миша рассказал мне, как его исключали из университета. Он учился на философском факультете ЛГУ и позволил себе недопустимое – читал Гегеля. Факт обнаружился и стал предметом рассмотрения на комсомольском собрании факультета. Секретарь комсомольской организации пытался спустить дело на тормозах, но наиболее ретивые комсомольцы требовали исключения провинившегося из университета. Ему задавали «едкие» вопросы про то, что он, вероятно, надеется найти у Гегеля что-то такое, чего нет у классиков марксизма-ленинизма, что он думает увидеть у Гегеля что-то такое, чего не увидел Сталин и т.п. На все это нужно было отвечать. И дело шло к плохому исходу. Но, как вспоминал Миша, спас его совершенно неожиданно его злейший недоброжелатель, к

счастью, напрочь обделенный интеллектом. Он слишком уж примитивно даже для комсомольского собрания обличал сокурсника, а завершил свою речь призывом гнать таких из университета и подкрепил этот вывод риторическим вопросом: «Разве вы не видите, что у него глаза змеиные?» Последнее неожиданно рассмешило зал и испортило все представление. В итоге сошлись на исключении из комсомола, но дали доучиться.

Михаил Александрович поразительно философски относился к открытым врагам и завистникам, но начинал волноваться, если имел дело с конформистами и предателями. Был такой случай. От избытка сил и азарта он написал однажды кандидатскую диссертацию для одного из своих коллег, почти друзей. Не называю этого человека, долго работавшего в НГУ и пользовавшегося у многих уважением. Его уже нет в живых. Человек этот умел все делать весомо и важно, но не умел генерировать идеи. Миша написал ему диссертацию, которая и была успешно и солидно защищена. Позднее этот человек сказал Михаилу Александровичу: «Как же я тебя ненавижу!» Со слов Миши, вероятно, никто больше не испытывал к нему такой сильной ненависти, ненависти никчемного завистника, знающего о своей никчемности именно благодаря дару друга и пользующегося этим даром всю жизнь. Даже о такой ненависти и враждебности Миша говорил бесстрастно, по крайней мере, без видимого осуждения.

Иное дело, если речь заходила о трусости конформистов, совершающих бесконечные предательства. Путь предательства был для него невыносимо омерзителен. И Миша очень высоко ценил мужественные поступки. Он вспоминал случай с защитой дипломной работы одного своего студента, насколько понимаю, в 1968 году, т.е. после «Пражской весны», всколыхнувшей академгородок настолько, что сразу после этого бдительные власти уравновесили университет созданием в академгородке Высшего военно-политического училища. Это было незадолго до моего поступления в университет как раз на тот самый гуманитарный факультет, где и защищал свою дипломную работу Евгений Спирин, работу, кстати, замечательную, которую я с огромным удовольствием прочитал года через три-четыре после тех событий. Молодой талантливый выпускник университета оказался причастен к событиям в академгородке – эху Пражской весны. И никто из преподавателей не решался выступить оппонентом на защите диплома. Миша называл мне много имен наших общих знакомых, которых он обзванивал или при встрече просил выступить оппонентом на защите. Даже через много лет он не мог сдержать отвращения к человеческой трусости. Тем более высоко ценил он поступок экономиста Инны Рывкиной, которой он позвонил буквально в ночь перед защитой и которая именно из-за создавшейся ситуации просто не могла отказаться. Защита прошла успешно, без каких-либо проблем. Люди сильно перестраховывались, ничто им не угрожало.

Михаил Александрович прекрасно писал, его научные статьи по игре мысли, по интриге совершеннее детективов. Он умеет и заинтриговать, и подурачить, и поразить красотой найденного решения. Интеллектуальная игра – его стихия. Писал он прекрасно. Но еще замечательнее он был в устном жанре. Лекции, семинары, дискуссии, беседы… Без этого он просто не жил. Конечно, у Миши были ученики, настоящие ученики. Георгий Александрович Антипов, Людмила Сергеевна Сычева, Людмила Юрьевна Одинокова. И Наталья Ивановна Кузнецова – жена, коллега, но и ученица тоже. Даже Сталина Серге-

евна – первая жена Михаила Александровича («Сталинка», как он ее называл до конца жизни), в каком-то смысле его ученица. Даже совершенно самостоятельные, уже состоявшиеся исследователи, как профессор Алексей Георгиевич Барабашев, с удовольствием, как мне кажется, соглашались, если их называли учениками М.А. Розова. Михаилу Александровичу удалось заложить то, что он так ценил, – традицию, школу.

Рядом с Мишей всегда были преданные ему прекрасные люди. В московский период жизни, конечно, это прежде всего его Наталья Ивановна. Наташа пропустила через себя все его инфаркты и все его проблемы. Исключительно бодрая духом, душевно щедрая и бесконечно преданная ему сподвижница. Думаю, что Мише выпало настоящее счастье. Сам он игриво называл это своей безумной страстью. Должно быть, и это тоже. Но еще с Наташей он мог работать. С ней ему хорошо думалось и работалось. А это было для Миши, думаю, все-таки самым-самым важным.

Моя последняя встреча с Мишей была уже после его инсульта в больнице. Почему-то я понял, что мы прощаемся. Миша был спокоен. Я знаю, что он атеист. Раньше он говорил мне: «Мы ведь с тобой знаем, что с жизнью кончается все, и ничего больше нет». Страха у него не было. Мы долго держались за руки. Правая, живая, рука была сильной. Мы держались за руки и говорили. Никогда прежде мы, разумеется, так не беседовали. Думаю, мы оба понимали, что прощаемся. Когда в палату вошла Наташа, Миша сказал: «У Жени хорошая мужская рука» – и что-то еще в этом роде. Поняла ли Наташа, что он думает и говорит не обо мне, а об ее будущем? Его беспокоило, на кого она сможет рассчитывать. Я думаю, что он делал именно это. Нам-то не нужно было говорить друг другу о мужской руке.

Хотя все последние годы в редких телефонных разговорах и при встречах мы говорили с Мишей о том, что считали в жизни важным, вслух мы так и не сказали друг другу этого. При последней встрече я сказал Мише, что всегда хотел спросить его, что в жизни имело смысл. «Главное, – сказал он, – это работа, хорошо, что не пострадало сознание и правая рука. Важно иметь возможность работать». И еще Миша сказал, что благодарен мне. «За что?» – спросил я. «За то, что ты всегда понимал, что я делаю», – ответил он. Одиночество, конечно, одиночество! Даже с друзьями и учениками одаренный человек все-таки одинок.

Д-р филос. наук, академик НАН Украины Е.В. Семенов

* * *

Михаил Александрович Розов принадлежал к тому редкому типу людей, встреча с которыми необратимо меняет жизнь человека. Степень, диапазон и аспект этого изменения был для каждого различным, зависимым от личности «контрагента», но его наличие, как эмпирический факт, фиксировали практически все, попавшие в орбиту взаимодействия с Михаилом Александровичем. Для кого-то это было изменением взглядов на научную или философскую проблему, на методологию науки, но для большинства изменения носили

гораздо более существенный и системный характер. Это было и осознание иной системы ценностных координат, формирование иной парадигмы мышления, иного способа философствования, иного образа жизни. При этом воздействие это носило характер некоего «солнечного удара» – столь же неожиданного, необратимого и кардинального.

Подобный солнечный удар получила и я во вполне ординарных и не предвещающих никаких сюрпризов обстоятельствах – на курсах по сдаче кандидатского минимума по философии. К концу первой лекции о предмете философии я – инженер-механик по диплому о высшем образовании и новоиспеченный инженер Института Горного дела СО АН по должности – поняла, что «изменение моей участи» – вопрос решенный и это решение обжалованию не подлежит.

В чем суть подобного магнетического воздействия личности и стиля мышления Михаила Александровича? Конечно, можно вспомнить и социальные обстоятельства того времени, засилие казенного диамата и истмата, в постулаты которого к тому времени перестали верить даже его апологеты, гнетущую атмосферу девальвации системы социальных и философских ценностей, осознание подавляющим большинством их фальши. На фоне этой тотальной разрушающейся идеологии и псевдофилософии каждое слово Розова было подобно откровению. Можно говорить и об огромном интеллектуальном и креативном потенциале Михаила Александровича, чистоте и нетривиальности его мышления, личном мужестве и бескомромисности человека, посвятившего себя с ранней юности служению философии, науке и культуре, наконец, о его человеческом и мужском обаянии.

Все это – правда, но остается еще что-то, некая тайна его личности, не объяснимая сугубо рационально. Не претендуя на раскрытие этой тайны, рискну предположить, что она связана с ролью Розова как посредника между реальным миром, с одной стороны, и миром культуры, «третьим миром» по Попперу, миром идей по Платону – с другой. Как будто этот «третий мир» сам выбрал именно его, Михаила Александровича, в качества «сталкера», назначил ему эту миссию. Я думаю, сам Михаил Александрович это знал, хотя и никогда не говорил о себе и своей роли подобным пафосным стилем.

Как будет не хватать его всем, стремящимся жить в мире культуры, всем ищущим тропинки в этот мир! А больше всего Михаила Александровича будет не хвать нам, тем, для кого он стал первым и главным учителем.

Д-р филос. наук, А.З. Фахрутдинова

* * *

Много есть чудес на свете,
Человек – их всех чудесней.

Софокл

29 января ушел из жизни Михаил Александрович Розов – философ, интеллектуал, мыслитель, один из самых интересных людей, с которыми мне приходилось сталкиваться в жизни.

В 1973 году мне посчастливилось слушать его курс истории философии. В то время общее отношение к философии как к идеологической науке было весьма критическим, особенно со стороны естественников – представителей науки бесспорной. Это делало задачу преподавателя философии существенно сложнее, чем сейчас. Кстати говоря, с представителями естественных наук Михаил Александрович чувствовал себя очень комфортно, поскольку занимался философией науки, а материалом для него служили как раз науки о природе.

Как он сам говорил, главной философской проблемой, определившей его научные интересы, была проблема способа существования семиотических объектов, идеальных объектов, существующих благодаря языку, таких, как знания, произведения литературы… Говоря о романе Толстого «Война и мир», он формулировал эту проблему так: «На столе лежит переплетенная пачка бумаги с размещенными на ней определенным образом пятнами краски и ничего больше. А где же роман? Великая тайна заключена в том, что, беря в руки эту пачку бумаги и погружаясь в рассмотрение выстроенных в ряды значков, мы вдруг попадаем в другой мир, в мир событий и человеческих отношений позапрошлого века, в мир толстовских героев. По аналогии с зеркалом назовем этот мир миром зазеркалья, и сразу же возникает проблема: где и как существует этот мир?» Размышления над этой проблемой позволили ему сформулировать ряд интереснейших гипотез.

Михаил Александрович построил теорию социальных эстафет, существенно дополнил учение о научных парадигмах, ввел понятие коллекторских программ. Эти решения поставили его в ряд крупнейших отечественных философов. Одним из самых сильных качеств Михаила Александровича было умение представить сложнейшие концепции на основе очень модельных конкретных примеров. При том, что он был человеком исключительной эрудиции, эти примеры он брал из археологии, антропологии, почвоведения, биологии, физики, лингвистики и т.д. и т.п. Его статьи и книги еще при его жизни стали классикой, а теории нашли многих последователей. При этом он всегда рассматривал науку не отдельно саму по себе, а как органическую часть человеческой культуры. Я помню один наш разговор, где он говорил, что не понимает, почему культурология у нас не занимается наукой: «Исследуя историю научной деятельности, я работаю с историей культуры никак не меньше, чем историк живописи».

Но, пожалуй, главное, что я понял у Михаила Александровича, – это отношение к философии как к учению о свободе. Сейчас даже трудно представить себе, насколько это было важно, ответственно и непросто в то время, когда преподаватели философии, независимо от их специализации, состояли на учете в районных и других комитетах партии. И учитывали их не потому, что они говорили о свободе, а, наоборот, потому что считалось, что они должны учить добровольной несвободе.

Своей жизнью Михаил Александрович Розов доказал, что истинное мышление может быть или свободным или никаким.

Проф., д-р филос. наук О.А. Донских

М.А. Розов

Жизнь подходит к концу,
Но печаль не к лицу,
Надо радостно старость встречать.
Я не мало пожил
И идей наплодил,
Жаль, что некому их развивать.
Если б лежа в гробу,
Мог я знать их судьбу,
Было б легче тогда умирать.
Но, увы, ни идей,
Ни родных мне людей
Не дано нам тогда созерцать.
Но, с другой стороны,
Видеть слезы жены
И не в силах развеять беду,
Видеть, знать, понимать
И бессильно страдать –
Это ты пребываешь в Аду.

2 мая 2010, г. Бухолово